

АПОЛОГЕТИКА

*Диакон Сергей Соколов**

Эволюция и креационизм

*... и поставил на востоке у сада Едемского
Херувима и пламенный меч обращающийся
(Быт. 3, 24)*

Введение. Происхождение мира остается таинственной темой, которая в последние десятилетия стала предметом самой оживленной дискуссии, с привлечением наиболее развитых технологий и сложнейшего математического аппарата. На этом поле столкнулись древнейшие космогонии при поддержке современных религиозных движений. Разные идеологии, сформированные в этом русле, имеют зачастую и просто политическую подоплеку. Для нас интерес представляет научно-богословское обсуждение этого предмета, и в частности, дебаты между эволюционистами и креационистами. Крайней точкой зрения эволюционистов можно считать дарвинизм, который стал принадлежностью атеистического лагеря, в то время как лидеры экстремального креационизма настаивают на буквальном понимании Библии. Задача состоит в том, чтобы дать анализ проблемы в свете Святоотеческого предания, а также с учетом достижений современной науки.

1. Движение креационизма. В общем смысле креационизм не представляет какой либо определенной традиции. Здесь нельзя говорить о едином древе, отдельные ветви не прививаются на некий общий ствол: «креационисты значительно отличаются в своем видении происхождения [мира] и половина из них придерживается буквального понимания семидневного творения»¹. Идейный спектр креационизма в широком проявлении характеризуется ими самими как прогрессивное (развивающееся), деистическое, теистическое, направленное творение и творение из ничего; от этого он и получил свое название. Эта самооценка слишком размыта.

* *От редакции:* Не разделяя всех высказываемых автором взглядов, мы тем не менее публикуем данную статью, учитывая актуальность рассматриваемой темы в современном мире, развитие которого все теснее связано с научно-технической деятельностью человека; задача «возвращения к утраченной связи научного знания с религиозными духовными и нравственными ценностями» сформулирована в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви».

¹ *Джерри Бергман.* Современное подавление теистического видения мира // Сотворение. М.: «Паломник», 2002. С. 283.

Как религиозное явление, он более строго очерчен его оппозицией: «“Научный креационизм” – евангельское движение проповедников-фундаменталистов»².

Собственно креационизм вышел на арену под флагом антидарвинизма в первой половине прошлого века. Распределение представителей этого течения по деноминациям, исходя из данных социального опроса, проведенного в наше время одним из наиболее известных его представителей, можно охарактеризовать следующим образом: «Иронично то, что (так в оригинале русского перевода! – Д. С.) многие явные активные “креационисты” с учеными степенями в точных науках не являются харизматами или так называемыми “крайне правыми”. Хотя многие принадлежат к таким консервативным протестантским церквям, как лютеранская, епископальная, пресвитерианская и адвентисты седьмого дня». Более того, многих креационистов, опрошенных Джерри Бергманом, «нельзя назвать крайне правыми, но более относящимися к историческому протестантизму. Хотя некоторые относились к независимым баптистам, большая же часть к лютеранам либо к неденоминационным церквям. Вдобавок несколько человек были евреями и многие не принадлежали ни к какой церкви»³.

Креационизм завоевывает популярность в нашей стране, причем наибольшую активность развивает протестантский фундаментализм. Печатные работы этого направления имеют высокий индекс цитирования и распространяются в виде монографий или отдельных статей в соответствующих сборниках. Даже такие известные издательства, как московский «Паломник», считают возможным публиковать работы евангелистов-фундаменталистов. Сотрудничество православных издательств с авторами этого направления может мотивироваться по-разному, как и всякое социальное явление, и в частности, попытками воссоздать в стране христианскую апологетику, которая ранее преследовалась атеистической цензурой. Ассоциации марксизма, фрейдизма и дарвинизма представляются на западе блоком атеистической пропаганды, на фоне которой протестантский фундаментализм выглядит традиционной защитой христианства: «Наибольшее влияние на церкви фундаменталистов и евангелистов в Америке со времен Второй мировой войны оказали экономическое преуспевание послевоенных десятилетий, религиозное возрождение 50-х годов и угроза, приписываемая коммунистической подрывной деятельности»⁴, как сообщает энциклопедия *Британика*. «В 70-х креационизм поднял кампанию за обязательное преподавание книги *Бытия* везде, где преподается эволюционная теория. За этим последовали попытки ввести обязательное изучение “креационистской науки” или “научного креационизма”, который предполагал представить себя и эволюционную теорию, как альтернативы научной модели. Все эти движения успешно оспаривались в американских судах на основании конституции»⁵. Креационизм воздействовал на общественные слои традиционной Америки: «В течение этого периода так называемое “Моральное большинство”, фундаменталистская общественная организация под руководством баптистского лидера Вирджинии Джерри Фалвелла, вела борьбу против законности абортов, прав гомосексуалистов и поправки к конституции о равноправии

² *Дуэйн Гиш*. Ученые креационисты отвечают своим критикам. СПб.: «Библия для всех», 1995. С. 20.

³ *Джерри Бергман*. Цит. соч. С. 291.

⁴ Institutional development, from fundamentalism. Encyclopedia Britannica, Inc. Copyright © 1994–2000.

⁵ Там же.

женщин, а также крестовый поход за молитву в школах, увеличение расходов на безопасность и жесткую антикоммунистическую международную политику»⁶.

В настоящее время ситуация в некотором смысле противоположная. Креационизм ищет компромиссы с антихристианскими сообществами. Так, Раймонд Еве в своей книге *Движение креационизма и современная Америка*⁷, анализируя отношение креационизма к антихристианскому мировоззрению, находит, что «несомненно, есть некая общность между креационистами и виканами (*Wiccans*), позволяющая им приходиться к совершенно одинаковым выводам»⁸. Определив этимологию слова *Wiccans*: «“викка” произошло от древнего кельтского слова “craft” (хитроумие), означающего “witchcraft” (черная магия)»⁹, он относит термин «креационизм» к идее недавнего происхождения Земли, отделяя его от более широкого значения этого слова: «Около 40% американцев верят и в сотворение, и в эволюцию, в то, что она направлялась Богом и что этот процесс занимал миллиарды лет. Таких людей иногда называют теистическими эволюционистами, или креационистами древней Земли, в противоположность креационистам молодой Земли»¹⁰. Будучи сторонником второго направления, автор показывает социальную общность виканов и креационистов: «Как у креационистов, так и у виканов родители более тяготели к протестантизму, это особенно верно для креационистов. Виканы из непротестантских семей чаще сообщали, что их родители были католиками, людьми нерелигиозными или вообще не общепринятых убеждений»¹¹.

Автор строит диаграммы опросов, чтобы исследовать общность виканов и креационистов антихристианской группы, при этом он достаточно объективен, чтобы характеризовать, как протестант, своих возможных партнеров: «Для виканов¹² типично отвергать христианство и другие основные религии, как слишком патриархальные по природе»¹³.

2. Католическая и протестантская экзегетика. Для направления, отрицающего эволюцию как усовершенствование материи, биологической или космической (при этом личная эволюция остается вне критики), характерна, вообще говоря, традиционная идеология протестантских церквей, противопоставленная схоластическому подходу, разработанному Римско-католической церковью. Средневековые схоласты проделали многовековую путь от Августина Иппонийского к Фоме Аквинскому, что в античной философии соответствует более короткому переходу от Платона (учителя) к Аристотелю (ученику). Согласно протестантской критике, эта дорога была вымощена философскими спекуляциями. Официально признанный религиозно-философский кодекс Ватикана воплотился в работе «*Summa Theologiae*» Фомы Аквинского. Во многих случаях текст Библии под пером схоластов превращался в философемы, иногда в мифологемы, что отразилось в осуждении средневековых ученых-мыслителей, в частности, гелиоцентрической астрономии.

⁶ Там же.

⁷ *Raymond Eve, Francis Harold. The Creationist Movement in Modern America. Boston: Twayne Press, 1991.*

⁸ *Raymond Eve. Wiccans v. Creationists // Sceptic. 2003. Vol. 10. P. 82.*

⁹ Там же. P. 83.

¹⁰ Там же. P. 76.

¹¹ Там же. P. 79.

¹² *Merlin Stone. When God Was a Woman. NY: Dial Press, 1976.*

¹³ *Raymond Eve. Цит. соч. P. 78.*

В свою очередь, католическая критика, например, в лице знаменитого писателя и публициста Честертона, обвиняет традиционный протестантизм в мракобесии и неприятии философских концепций, в предубежденности по отношению к богословскому творчеству. Это несправедливо по отношению к западноевропейской философии, большинство представителей которой (таких как Кант) можно причислить к протестантским общинам. С большим успехом католическая критика может быть перенесена на креационизм в его традиционной форме. Хотя схоласты тоже были креационистами в широком смысле слова, в отличие от них собственно течение креационизма придерживается изначальных тезисов протестантской церкви, что текст Библии надо понимать буквально, поскольку она написана для всех, а не только для школьных богословов. Отсюда должно следовать, что сотворение мира происходило в течение обычных шести суток, «при этом день понимается как 24-часовой»¹⁴.

Вообще, дебаты креационистов с дарвинистами напоминают продолжавшийся триста лет спор о свободе воли между томистами и молинистами, который, кстати сказать, оценивается теперь католической энциклопедией, как отрицательный опыт. Что касается современного западного общества, то азартность споров здесь не преувеличивается. Действительно, Римская курия использовала суд инквизиции для осуждения научных открытий в средневековье, а в новейшее время креационисты и эволюционисты обвиняют друг друга в американском суде. Достаточно вспомнить, что «в 1925 году американский школьный учитель предстал перед судом за преподавание теории эволюции в средней школе. Знаменитый “процесс Скоуса” привлек интерес»¹⁵ американского общества.

Мы видим здесь две крайние позиции, из которых ни одна не может быть принята в православной экзегетике.

3. Дата происхождения Вселенной. Не вдаваясь в догматические дискуссии с римско-католическим учением, мы должны остановиться на аргументах в отношении собственно креационизма и буквального смысла Священного Писания. Предположим, что наша Вселенная возникла несколько тысяч лет назад, как полагают креационисты, в это же время на Земле появился Рай. Возникает вопрос, где он сейчас находится? На планете его нет, значит ли это, что райский сад увял? Согласно дословному пониманию книги *Бытия*, это невозможно – он остался вечно цветущим садом и путь к нему преграждает Архангел Михаил. Ничего подобного нет в Междуречье.

Предположим, что Рай не связан с нашей планетой и существует где-то в космосе, в каком-то ином пространстве. Мы придем к противоречию с космологией, потому что сама Вселенная не вечна. Действительно, геология и космические исследования заглядывают в такую древность, когда человек не мог существовать. Недавние исследования космического пространства с большой точностью установили его возраст с помощью измерений скорости разлетающихся звезд: «Группа ученых, работающих с космическим телескопом “Хаббл”, сообщила во вторник, что они провели расчеты, чтобы ответить на один из самых горячо обсуждаемых астрономами вопросов: каков возраст Вселенной? Ответ: 12 миллиардов лет...

¹⁴ Джерри Бергман. Цит. соч. С. 283.

¹⁵ Джонатан Сарфати. Несостоятельность теории эволюции. Симферополь: «Христианский научно-апологетический центр», 2001 (на обложке).

они рассчитали скорость расширения (Вселенной) с точностью до 10%»¹⁶. По стандартной космологической теории и астрофизическим данным, она уже прожила половину своего срока и начинает стареть согласно законам физики, то есть движется в направлении распада. Следовательно, вечно цветущий сад также обречен.

На это возражают предположением, что законы природы изменились после грехопадения Адама и Евы. Но тогда мы сталкиваемся с новыми трудностями, ибо в своей физической основе Вселенную нельзя вообразить иной. Мировая стабильность настроена невероятно тонко, так что при малейшем изменении мировых констант, таких как гравитационная постоянная, масса и заряд электрона, взаимное притяжение и другие элементарные взаимодействия изменились бы настолько, что Вселенная быстро разрушилась бы и ничто живое не могло бы существовать. Речь может идти о точности 10^{-10} , которая «зашкаливает» в область, физически необъяснимую. «Наиболее разительным, наверное, был баланс двух сил, которые в атомном ядре управляют составляющими его протонами и нейтронами: электрическое отталкивание между протонами и сильное ядерное взаимодействие между протонами и нейтронами. Если бы ядерные силы были чуть *слабее*, ни один химический элемент, кроме водорода, не был бы устойчив, не было бы и ядерной энергии для снабжения звезд. Но если бы ядерные силы были бы чуть *сильнее*, чем в действительности, по отношению к электрическим, то два протона могли бы так легко склеиться, что обычный водород не существовал бы, а звезды развивались бы совершенно иначе.

Тот факт, что вес электрона так мал в сравнении с ядром атома, очень важен. Это предпосылка для поддержания особенного и точного строения молекул вроде ДНК. Принцип неопределенности Гейзенберга влечет неизбежную расплывчатость в местоположении частицы, причем неопределенность меньше для тяжелых частиц. В молекуле неопределенность расположения атома определяется массой его ядра. Орбиты электронов вокруг ядер намного больше этой области, поскольку электроны легче. Как раз электронная масса определяет внешний размер атома и распределение атомов в молекуле. Поскольку протоны в 1836 раз тяжелее, чем электроны, атомы могут быть локализованы очень точно в сравнении с расстояниями до своих соседей, такая сложная молекула может иметь вполне определенную форму»¹⁷.

Уже эти соображения наводят на мысль, что Адам и Ева благоденствовали не в нашем мире. Возвращение в утраченный рай, по святоотеческому преданию и согласно видениям пророков, произойдет телесно, как и изгнание Адама. Вход туда заграждает «пламенный меч» ангела (Быт. 3, 24). Это и есть дословное понимание, которое креационисты не должны бы отрицать. Бессмысленно искать Рай в Месопотамии, и значит буквальному прочтению Библии не остается места в их построениях. Несмотря на это, ведутся археологические раскопки. Создаются также целые доктрины и даже громоздкие математические модели многомерных пространств для доказательства мгновенного появления видимой Вселенной, что уже по теоретической сложности не вяжется с буквальным толкованием. При этом не принимается во внимание, что Рай в точном смысле все же продолжает существовать.

¹⁶ CNN: Astronomers Calculate Age of the Universe. May 25, 1999.

¹⁷ M. Rees. Before the beginning. P. 232–233. Helix Books. Addison-Wesley, 1997.

Не менее важный вопрос: как буквальное толкование первых глав книги Бытия соотносится с благостью Божией, с тем, что Бог не творил зла? Откуда же взялись паразиты и болезнетворные организмы? Настаивать на устойчивости таксонов, не предполагая видовых изменений, как это делает крайний креационизм, значит, «вписать» инфекцию в творческий замысел Всевышнего. Есть попытки представить смертоносные штаммы и других опасных представителей живого мира, как экологическую необходимость для поддержания равновесия в биосфере, однако это весьма сомнительная экология для вечно цветущего сада. Буквальный креационизм должен постулировать существование вредоносных организмов в начале творения и таким образом отказаться от дословного толкования книги Бытия.

Противостояние дарвинизму черпает свою силу в том, что природа не способна к самоэволюции, хотя приспособляемость организмов и может быть важным фактором в морфологии. Однако возражения крайнего креационизма сводят вообще научные сведения о возрасте не только геологических пород¹⁸, но и галактик, к ошибке¹⁹, поскольку Библия будто бы учит: «человек был создан на шестой день Творения около шести тысяч лет назад»²⁰. Правда, здесь их подсчеты весьма расходятся и держатся на произвольных допущениях, зависящих от мнения толкователя. Это было замечено еще М. В. Ломоносовым, который указал на неопределенность «невястных и сомнительных чисел в еврейском Ветхом Завете, кои подобно как и другие многие места в оном не могли и поныне довольно разобрать самые искусные учителя этого языка: и сие есть не последнюю причину, что все христианские народы начинают исчисление лет от Рождества Христова, оставив древнее, как не довольно определенное и сомнительное»²¹. Ломоносов дал оценку результатов: «между нашими христианскими хронологами нет в том согласия, например, Феофил, епископ антиохийский, полагает от Адама до Христа 5515, лет, Августин – 5351, Иероним – 3941»²². То же можно сказать и о расчетах западных толкователей: Иоганн Кеплер в своих астрономических представлениях относил начало мира к 3993 году до н. э., а ирландский епископ Джеймс Ушер²³ доводил его до 4004 года до н. э.

4. Тенденциозное цитирование святых отцов. В отечественной печати существуют разнообразные работы в защиту «буквального» толкования Библии. Как правило, они используют аргументацию, принятую в полемическом обиходе западной церкви. Для них характерен также своеобразный способ отстаивать свою позицию, включающий тенденциозное цитирование святых отцов. Именно таким образом священник Константин Буфеев приводит цитату из *Шестоднева* Василия Великого относительно продолжительности дней творения: «И бысть вечер, и бысть утро, день един (Быт. 1, 5). Почему назван не первым, но единым? <...> Определяет сим меру дня и ночи, и совокупляет в одно суточное время, потому что **двадцать четыре часа** наполняют продолжение одного дня, если

¹⁸ Джонатан Сарфати. Цит. соч. С. 106–107.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 97.

²¹ Ломоносов М. В. О слоях земных.

²² Там же.

²³ James Usher. Annals of the World. 1658 (*Anales et Nove Testamenti*).

под ним подразумевать и ночь». Выделенными словами автор определяет цель своего доказательства, полагая, что в его книге «проведена защита святоотеческого учения от антихристианского мировоззрения, называемого **эволюционизмом**»²⁴. По его мнению, «ересь эволюционизма» проявляется в том, что «принятие теории эволюции заставляет под библейскими днями творения подразумевать “эпохи”, “эры”, “состояния”»²⁵. Таким образом, следуя его концептам, к «еретикам» надо бы причислить и Василия Великого, который в своем изложении после приведенного высказывания развивает толкование первого дня творения: «Потому Моисей главу времени назвал не первым, но единым днем, чтобы день сей по своему наименованию имел сродство с **веком**»²⁶. Недоразумение, связано еще и с тем, что оставлены без внимания разъяснения святителя непосредственно на следующей странице, где поясняется, почему Библия говорит о чреде дней, а не веков: «Хотя Писание представляет нам многие веки, часто говоря: *век века* и *веки веков*; однако же в нем не перечисляются ни первый, ни второй, ни третий век, чтобы из этого нам были видны более различия **состояний** и разнообразных вещей»²⁷. Святитель продолжает свою мысль в отношении дней творения, которые перечисляет от первого до седьмого, и хотя они служат образом веков, но как бы в отличие от последних подвержены перечислению, что видно в дальнейших его рассуждениях.

О. Константин Буфеев делает извлечения из текста учителя Церкви, не приводя цитату полностью, поскольку она звучит сослагательно; он заменяет многоточием суждения великого толкователя, который, лишь начав с этого очередную мысль, подводит ее к следующему заключению: «Посему Моисей, чтобы возвести мысль к будущей жизни, наименовал единым сей **образ века**, сей начаток дней, сей современный свету, святой Господень день, прославленный воскресением Господа. Потому и говорит: *бысть вечер, и бысть утро, день един*»²⁸. Таким образом святитель Василий усиливает эту идею сравнением первого дня с восьмым и наконец останавливается на таинственной символической, в которой первый день, подобно восьмому, не связан с текучестью времени и двадцатичетырехчастным действием механизма, появившегося позже, как *светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов* (Быт. 1, 14).

Тенденциозности креационистов содействуют некие семантические упрощения в их библейском словаре; видимо, поэтому автор утверждает, что Святые Отцы «понимали под днями творения привычные всем нам сутки. Существенным подтверждением этому следует считать то, что переводилось на другие языки еврейское слово **יָמִים** традиционно именно как “день” – и в греческом тексте Септуагинты, и в латинском переводе **Иеронима Стридонского**, и в церковнославянском переводе святых **равноапостольных Кирилла и Мефодия**, и во всех других авторитетных церковных переводах Шестоднева»²⁹. Между тем известно, что еврейское слово **יָמִים** означает не только день, но и период времени вообще:

²⁴ *Свящ. Константин Буфеев. Православное учение и теория эволюции. СПб., 2003. С. 53.*

²⁵ Там же. С. 54.

²⁶ *Св. Василий Великий. Беседы на Шестоднев. Беседа 1. М, 1845. С. 38.*

²⁷ Там же. С. 38.

²⁸ Там же. С. 39.

²⁹ *Свящ. Константин Буфеев. Цит. соч. С. 54.*

Число дней человека – много, если сто лет: как капля воды из моря или крупинка песка, так малы лета его в дне вечности (Сир. 18, 8). Здесь полисемия «дня» в иврите распространяется на вечность, что вытекает, кстати, из толкований Василия Великого в *Шестодневе*. Греческий перевод следует тому же образному представлению, которое наиболее ярко отражено в понятии дня восьмого – ἐν ἡμέρᾳ αἰῶνος (Σοφία Σιρᾶχ 18, 10), в чем невозможно усматривать календарные сутки (церковнославянский текст Писания представляет собой, как известно, дословный перевод Септуагинты).

Нужно отметить, что тот же отрывок из книги Василия Великого, приводится в работе о. Даниила Сысоева, который, однако, идет дальше, вырывая другой фрагмент из контекста, чтобы вынести следующий приговор: «цитата, на которую чаще всего любят ссылаться эволюционисты, просто передернута так, чтобы она свидетельствовала о сказочных эпохах. Св. Василий говорит здесь вовсе не о **днях творения**, а о вечном дне будущего века. Явную ложь допускают здесь модернисты, что совершенно не допустимо для людей, пишущих о слове Божиим»³⁰. При этом в толковании на *Шестоднев* выбрана фраза, которая действительно относится ко дню восьмому, то есть вечности. Возможно, «модернисты» достойны подобной оценки, но автор не заметил, что, как уже приводилось выше, именно первый **день творения** назван «единым днем», чтобы иметь «средство с веком».

Другой «пример» для превращения дней творения в календарные сутки О. Константин Буфеев берет из работ блаженного Августина: *«И бысть вечер, и бысть утро: день един – в настоящем случае день называется не так, как назывался он, когда говорилось: И нарече Бог свет день, а так, как, например, мы говорим: “30 дней составляют месяц”;* в этом случае в число дней мы включаем и ночи, между тем выше день назван отдельно от ночи. Итак, после того, как сказано уже о произведении дня посредством света, благовременно было сказать и о том, что явился вечер и утро, т. е. один день»³¹. Две из трех выдержек, приводимых в книге, должны показать, по мнению автора, веру учителей Церкви в то, что в книге *Бытия* имеются в виду обычные сутки, когда говорится о сотворении мира. Хотя обыденные сутки действительно следуют образцу, предписанному днями творения, однако Августин Иппонийский был, как никто другой, далек от такого толкования, присоединяясь к мысли Василия Великого о единстве сотворенного Богом дня, в соответствии с которым «ангельское сообщество... проводит и имеет день, вечер и утро одним разом теперь»³². Время разворачивается из этого цельного образа: «нынешние семь дней, с именами и числом тех дней, сменяясь в своем течении новыми и новыми, составляют периоды времени; первые же шесть дней чередовались при самом творении вещей неизвестным и необычным для нас образом и их вечер и утро, как и самый свет и тьма, т. е. день и ночь, не представляли той смены, какую представляют нынешние дни, благодаря движению солнца; по крайней мере, так должны мы сказать относительно первых трех дней, упоминаемых и перечисляемых раньше создания светил»³³.

³⁰ *Свящ. Даниил Сысоев*. Летопись начала. М.: Аксиос, 2003. С. 33.

³¹ *Свящ. Константин Буфеев*. Цит. соч. С. 53.

³² *Блаж. Августин Иппонийский*. О книге Бытия. Кн. 4. Гл. XXXI // Творения Блаженного Августина, Епископа Иппонийского. Ч. 7. Киев, 1912. С. 270–271.

³³ Там же. Кн. 4. Гл. XVIII. С. 257–258.

Трудно представить, что Блаженный Августин мог считать только сутками день, называемый в Библии **יום**, ведь о седьмом дне он пишет: «покой же твари начало имеет, но предела не имеет, и потому седьмой день для твари начался утром, но вечером уже не заканчивается»³⁴.

В другой книге о. Константин Буфеев обрезал рассуждения Августина, приводя известное его высказывание: «Бог все создал разом»³⁵, настолько, что смысл августиновой экзегезы изменился на противоположный, в чем автор мог бы убедиться, позаимствовав идею учителя Церкви из соседней статьи того же сборника, принадлежащей священнику Олегу Петренко: «подобно тому, как в зерне невидимо содержится все, что должно со временем развиваться в дерево, так следует нам представлять себе, что и мир в момент, когда Бог одновременно сотворил все вещи, содержал в себе все вещи, которая земля произвела, как возможность и как причины, прежде чем они развились во времени такими, какими их знаем мы»³⁶. У Августина надо понимать используемую Буфеевым цитату совершенно иначе, а именно: в нашем земном бытии (в отличие от мысли Бога, представляющей все мгновенно) многообразие развивается постепенно: «что должно со временем развиться». Таким образом появляются все вещи в нашем мире: «они развились во времени такими, какими их знаем мы».

Конечно, для креационизма было бы важно заручиться ссылками на учителей Церкви для доказательства 24-часового периода в днях творения. Но что касается Августина Иппонийского, то в своей *Исповеди* он задавался более общим вопросом, каким часовым «механизмом» можно измерять день? Пятнадцать глав 11-й книги его труда³⁷ посвящены последовательному обсуждению того, что представляет собой измерение временной длительности, в результате этот процесс признается неадекватным временным интервалам³⁸ вообще и длительности дня в частности, потому что нет абсолютного измерителя³⁹. Надо заметить, что и в современных точнейших измерительных процедурах времени нет абсолютной шкалы⁴⁰, которая служила бы эталоном.

5. Аргументация христианского фундаментализма. Доводы в пользу недавнего сотворения Мира могут содержать следующие утверждения: «если расположить эти шесть тысяч лет на 39-сантиметровой шкале, – пишет Сарфати, настаивая именно на этих сроках, – то точка появления человека будет всего на одну тысячную миллиметра отстоять от точки отсчета»⁴¹. Подсчеты ученых космологов и геологов о возрасте Вселенной он считает ошибочными на том основании, что «на временной шкале в пять миллиардов лет время существования человечества составляет столь крошечный отрезок, что пришлось увеличить

³⁴ Там же. С. 257.

³⁵ *Свящ. Константин Буфеев. Ересь эволюционизма // Шестоднев против эволюции, М.: Паломник, 2000. С. 222.*

³⁶ *Петренко О. Верую, чтобы понять // Там же. С. 18.*

³⁷ *Блаж. Августин Иппонийский. Исповедь. Кн. 11. Гл. XIV–XXVIII.*

³⁸ Там же. Гл. XXIII.

³⁹ Там же. Гл. XXIV.

⁴⁰ *Диакон Сергей Соколов, А. И. М. Время (измерение времени) // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005. С. 530.*

⁴¹ *Джонатан Сарфати. Цит. соч. С. 97.*

его вдвое, иначе он вообще не был бы замечен»⁴². Эта своего рода эстетическая аргументация противопоставляется дарвинизму, который в известном смысле стал псевдонаучным.

С другой стороны, неумеренные креационисты борются с эволюционизмом как таковым. Вообще, характерные аргументы против современной космологии сводятся к антинаучной постановке вопросов, что, ввиду наличия фактов, необъясненных в физических моделях, сводит всю теорию к предрассудкам. История естественных наук, таким образом, превращается в цепь недоразумений, поскольку ни одна из существующих теорий не может объяснить все явления природы: ни классическая физика, ни отрицающая ее релятивистская и так далее.

В том же русле, говоря о достаточно серьезных проблемах датировки в истории нашей планеты, Сарфати возражает эволюционистам следующим образом: «чтобы удалиться на нынешнее расстояние, ей (Луне) понадобилось бы всего 1,37 миллиардов лет», отсюда делается вывод: «этот возраст слишком мал для эволюционистов»⁴³. Следующий аргумент против эволюции: «даже при самых выгодных для эволюционистов допущениях морям не может быть больше 62 млн. лет, – а ведь они говорят о миллиардах лет!»⁴⁴. Таким образом, пытаюсь уместить возраст планет да и вообще всего космического пространства в шесть-семь тысяч лет, креационисты не пренебрегают и указанными здесь миллионами лет.

Хотя это и очень далеко от поставленной ими цели, но аргументы такого рода переходят из одного издания в другое, причем без серьезной научной проверки. Например, Сарфати там же опровергает эволюцию Земли⁴⁵, заимствовав, по-видимому, соответствующие расчеты у другого автора, который делает их с большим упрощением: «чтобы оправдать эти расчеты, Барней отвергает теорию⁴⁶ Елассера, что магнитное поле Земли поддерживается эффектом динамомшины, вызванным движением в коре». Он также должен отвергнуть, добавляет автор статьи, сообщение о том, что «земное магнитное поле несколько раз полностью восстанавливалось в прошлом»⁴⁷, на что требуются большие временные интервалы. Невольно возникает оценка креационизма, которая приводится в книге Дуэйна Гиша: «Анализировать креационистскую литературу – значит оценить целую крепость из фактов и цитат, взятых из эволюционистской литературы, искаженных, вырванных из контекста, наудачу построенных для защиты их веры»⁴⁸.

6. Осуждение эволюционизма. Против космической эволюции о. Даниил Сысоев приводит факт, что «обнаружена также гигантская “дыра в космосе”, о которой говорил святой Иов, в созвездии Волопаса (близком к северному полюсу мира) размером около 300 миллионов световых лет. Так что говорить о большом

⁴² Там же. С. 97.

⁴³ Там же. С. 107.

⁴⁴ Там же. С. 107.

⁴⁵ Там же. С. 97.

⁴⁶ *Jacobs J. A. The Earth's Core.* NY: Academic Press, 1975.

⁴⁷ *Scientists Confront Creationism / Ed. by Laurie R. Codfrey.* NY-London: Norton@Company. P. 79.

⁴⁸ *Дуэйн Гиш.* Цит. соч. С. 50; можно сослаться также на другую оценку креационизма, приведенную им с целью полемики: «Научный креационизм – не наука. Его суть – узкофундаменталистское религиозное толкование христианства» (Там же. С. 20).

взрыве просто некорректно»⁴⁹. В книге Иова действительно можно усмотреть силу, действующую на нашу планету с севера: *Он распростер север над пустотою, повесил землю ни на чем* (Иов 26, 7). Но эти слова скорее свидетельствуют в пользу существования черных дыр, не противореча тем самым стандартной модели космологии, построенной на эволюции физической вселенной, отвергаемой Сысоевым вместе с большим взрывом.

О. Даниил не одинок в своем отрицании большого взрыва. Можно напомнить, что даже Эйнштейн был против идеи возникновения Вселенной, полагая, что она существовала вечно. Между прочим, в отечественной истории партийная борьба оставила след в этом вопросе: астрономическим наблюдениям и красному смещению в спектре разлетающихся в разные стороны звезд в свое время придавалась идеологическая окраска. В партийном рупоре, называемом «Знамя марксизма», советский борец за «чистоту» теории относительности доказывал, что расширение Вселенной – это «надстройка над общей теорией относительности, органически с ней не связанная, излюбленный конек всех ученых мракобесов»⁵⁰. Защищая известные заблуждения Эйнштейна относительно бесконечности космического пространства, он призывал высший гнев на противников этой веры. Интересно то, что ошибочные поправки к уравнениям теории относительности отстаивались партийным функционером с использованием библейской терминологии: «Как в экономике и политике, так и в науке, в естествознании мы противопоставим “разлетающейся Вселенной” обанкротившегося капитала устойчивую твердь марксистско-ленинско-сталинского разума, воли и труда»⁵¹.

В своей статье⁵² о. Даниил Сысоев отлучает от Церкви сторонников какой-либо эволюции, то есть тех, «кто дерзает самовольно толковать слово Божие и своими толкованиями вступает в противоречие с учением Отцов»: они «слышат постановления VII Вселенского Собора: “Мы следуем древнему законоположению католической Церкви. Мы сохраняем определения Отцов. – Прибавляющих что-либо к учению католической Церкви, или убавляющих от него, мы предаем анафеме”»⁵³.

Другая статья того же сборника буквально следует основному лозунгу деизма о вселенной, заведенной как часы, представляя сотворение мира следующим образом: «весь “звездный набор” – от красных гигантов до белых карликов, как бы задан сразу, минуя все “эволюционные ступени”. И затем эти составные части мира начали функционировать самостоятельно, как часовой механизм»⁵⁴.

7. Креационизм и эпистемология. В биологии развитие может не быть самосовершенствованием, но наоборот – представлять регресс, что не так уж необычно: «регрессивные изменения являются частью нормальной истории жизни определенных организмов. Характерно, что таковы виды организмов, которые в ранней стадии развивают относительно сложные структуры, делающие невозможным

⁴⁹ *Свящ. Даниил Сысоев*. Цит. соч. С. 44.

⁵⁰ Э. Кольман. На текущие темы // Под знаменем марксизма. 1932. № 9–10. С. 154.

⁵¹ Там же. С. 170.

⁵² *Свящ. Даниил Сысоев*. Эволюционизм в свете православного учения // Шестоднев против эволюции, М.: Паломник, 2000. С. 61.

⁵³ Там же. С. 61–62.

⁵⁴ *Петренко О.* Цит. соч. С. 22.

передвижение, а позже усваивают формы жизни, для которых движение больше не представляет необходимости. Хорошим примером может служить *cirripedia*, группа морских раковин, у которых яйцо сначала развивается в подвижную личинку, которая обосновывается на твердой поверхности, устойчиво присоединившись под водой. *Cirripedia* затем теряет многие органы, характерные для двигательной фазы, и развивается в привычной стационарной форме»⁵⁵.

Серьезный аргумент против филогенеза заключается в том, что эволюционная цепь, ведущая от простейших организмов к более сложным, прерывается. Речь идет о том, что палеонтологи нашли огромное количество разных окаменелых растений и животных, но не могут расположить их в порядке постепенного усложнения. Изобилие находок, которым более чем полмиллиарда лет, говорит о некоем биологическом «взрыве»⁵⁶. При этом ископаемые представляют распространенные и поныне организмы, у которых не нашлось общего предка, что необъяснимо с точки зрения эволюционной теории. Появилось как бы все и сразу.

Другой не менее серьезный аргумент: в известных опытах виды показывают такую устойчивость, что новые таксоны вывести не удастся. Точнее, новые породы надо поддерживать постоянной селекционной работой, то есть посторонним надзором. Этот довод креационистов нельзя сбрасывать со счетов. Более того, новые породы удастся получить лишь при некотором обеднении генотипа, впрочем, вырождение генофонда очевидно, оно выставлено в любом супермаркете, где лежат горы красивых и безвкусных фруктов.

Критика креационистов в подобных случаях необходима, однако, она зачастую не имеет эпистемологического обоснования. История науки представляет собой лестницу знаний, а научные революции не похожи на социальные катаклизмы, они дополняют накопленный опыт. При этом развитие проходит фазы диалектического опровержения: новая парадигма⁵⁷ возникает не на развалинах старой, но на ее границах, за пределами которых последняя не имеет объясняющей силы. Эта преемственность существует по принципу соответствия. Так, квантовая механика, если устремить постоянную Планка к нулю, переходит в классическую; с релятивистской механикой произойдет то же самое, если скорость света будет стремиться к бесконечности.

Согласно современной эпистемологии всякая естественнонаучная теория является эмпирической, то есть подлежит опытной проверке: более того, она принципиально опровержима – в противном случае она не может быть научной. Этим обеспечивается развитие науки.

Креационизм, рассматриваемый в настоящей работе, а точнее, крайние его проявления, связанные с изначальной установкой протестантских деноминаций на буквальное прочтение Библии, использует науку скорее в идеологических, чем в апологетических целях. Он настроен не столько опровергать, сколько отвергать

⁵⁵ Progressive and regressive development. Encyclopedia Britannica. 1994–2000.

⁵⁶ *Дуэйн Гиш*. Цит. соч. С. 83.

⁵⁷ Понятие парадигмы, то есть научного образца во всех его проявлениях, ввел Кун: «Примеры действующей научной практики – образцы, которые включают закон, теорию, их применение, и инструменты вместе взятые – обеспечивают модели, из которых возникает практически последовательная традиция научного исследования» (*Кун Т.* Структура научных революций. М, 2003).

научные теории, что типологически и исторически соответствует неприятию в протестантской теологии святоотеческого учения. В результате креационистская критика эволюционных теорий не дает никакого вклада ни в науку, ни в богословие, но принимает формы антинаучной апологетики.

Православная Церковь не анафематствует представителей науки, как это было характерно для средневековой Европы, но, следуя традиции как восточных, так и западных отцов и учителей Церкви, рассудительно относится к накопленным знаниям: *ибо сыны века сего догадливей сынов света в своем роде* (Лк. 16, 8).

Заключение. По существу споры креационистов с эволюционистами попадают в ту же логическую ловушку, что и вековая католическая дискуссия томистов с молинистами. А именно, муссируется эволюция в чистом виде, которая, однако, в природе не существует, будучи всегда чревата разрушением.

Креационисты не отвергают эволюцию как таковую, многие не признают лишь происхождение видов, не имея ничего против развития живого организма как индивида. Однако эволюция организма заканчивается его разрушением, и всякое развитие имеет конец. Эволюция может останавливаться и возрождаться. Шесть дней творения дают образец для любой эволюции, который, например, святитель Филарет⁵⁸ прилагает к Священной истории. Эволюция живой материи также следует Шестодневу, правда, не обязательно в дарвинистской диалектике, где выживают сильнейшие.

Космос в целом открыт для жизненной энергии, изливаемой домостроительством всещедрого Бога.

⁵⁸ Св. Филарет Московский. На книгу Бытия. Ч. I. М., 1867. С. 30.